

Д.О. Шеппинг

**Русская народность в ее
поверьях, обрядах и сказках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-34
ББК 82
Д11

Д11 **Д.О. Шеппинг**
Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках / Д.О. Шеппинг – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 216 с.

ISBN 978-5-458-42391-5

Барон Дмитрий Отгнович Шеппинг (1823—1895) — историк, археолог, этнограф — автор многочисленных работ по мифологии и этнографии. Представленная здесь книга - сборник статей по русской мифологии и фольклору

ISBN 978-5-458-42391-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ кажды́мъ днемъ болѣе и болѣе чувствуется въ нашемъ образованномъ обществѣ необходимость сближенія его съ простымъ народомъ: это уже не отвлеченный тезисъ отдѣльнаго кружка, но потребность, чувствуемая всѣми и испытанная кажды́мъ изъ насъ на дѣлѣ въ борьбѣ съ дѣйствительностію. Только полное сочувствіе народу, только гармоническое, единоедушное соединеніе съ нимъ, можетъ придать намъ тѣ новыя силы, которыя такъ необходимы, чтобы двинуться впередъ по открывающемуся предъ нами новому пути самобытнаго просвѣщенія. Но чтобы вполне сойтись съ народомъ, ему сочувствовать и слиться съ нимъ въ одно общее духовное стремленіе, необходимо познакомиться съ народною жизнію не только въ матеріальномъ столкновеніи съ ней въ избѣ и на улицѣ,

II

но и вглядываясь по-глубже въ исторію, не удѣльныхъ князей Варяжскихъ, но Русскаго простаго народа, и въ его нравственныя и религіозныя воззрѣнія на міръ и жизнь вообще. Намъ нельзя съ вѣрностію опредѣлить характеръ и наклонности одинокаго человѣка, если не знаемъ его прошедшаго, незнакомы съ первыми впечатлѣніями его дѣтства, съ первыми порывами его юношескихъ страстей. Тѣмъ болѣе невозможно намъ понять и народъ, если незнакомы съ его прошедшимъ, если не знаемъ той исторической обстановки, подъ которой развились его понятія и воззрѣнія. Народность—это почва, на которой каждое посѣянное зерно принимаетъ свои частныя, почвѣ присвоенныя, особенности. Одинъ общій свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ, а между тѣмъ какъ многоразличны проявленія спасительнаго ученія у разныхъ народностей. Протестантизмъ, напримѣръ, чистое созданіе Германскаго племени, когда наше православіе, напротивъ, преимущественная принадлежность Славянскаго. Первая основа этихъ различныхъ направленій развитія одной общей вѣры едва ли не кроется уже въ до-христіанскомъ вѣросознаніи каждаго народа и въ самобытномъ воззрѣніи на окружающую его жизнь природы, и едва ли не въ этомъ вопросѣ лежитъ и важнѣйшая цѣль изученія той науки, которую, по схоластической привычкѣ, мы означаемъ обычнымъ именемъ міѳологіи.

До сихъ поръ у насъ на Руси эта наука остается принадлежностію однихъ ученыхъ специалистовъ; одно названіе міѳологіи страшитъ неученую массу читающей публики, потому что дѣйствительно всѣ изслѣдованія по этому предмету, съ первыхъ страницъ своихъ, запугиваютъ своими чисто спеціальными свѣдѣніями, учеными выписками древнихъ текстовъ, и цѣлымъ рядомъ филологическихъ сближеній словъ и звуковъ всѣхъ возможныхъ,

III.

живыхъ и мертвыхъ, языковъ и нарѣчій. Вотъ почему, въ предложенныхъ здѣсь статьяхъ, мы старались, по возможности, избѣгать этихъ ученыхъ приѣмовъ, запугивающихъ публику своимъ классическимъ педантизмомъ. Мы писали не для ученыхъ специалистовъ, знающихъ гораздо болѣе насъ по этимъ предметамъ, но для той части нашей читающей публики, которая, сочувствуя возрожденію Русской народности, начинаетъ сознавать потребность изученія нашей самобытной жизни во всѣхъ ея бытовыхъ проявленіяхъ. Этой публикѣ нуженъ не полный сводъ всѣхъ историческихъ фактовъ и ученыхъ данныхъ, — нужно сознаніе скрытаго въ нихъ народнаго духа.

Предлагаемыя нами здѣсь изслѣдованія не составляютъ одного общаго цѣлаго, по внѣшней формѣ и предметамъ нашихъ изысканій; но между тѣмъ всѣ эти отдѣльные отрывки соединены между собою одной невидимой нитью общаго духовнаго міросозерцанія древней до-исторической Руси. Вглядимся ли мы въ значеніе обрядныхъ праздниковъ Купалы и Коляды, или станемъ отыскивать подъ баснословной оболочкой чудесныхъ приключеній нашихъ сказочныхъ героевъ, древнѣйшій сокровенный смыслъ этихъ сказаній, вездѣ мы встрѣтимъ глубокую наблюдательность и твердое познаніе вѣчныхъ истинъ и неизмѣнныхъ законовъ природы, вездѣ отыщемъ торжество челоуѣка и его духовнаго міра надъ случайностями жизни, и освященіе этихъ случайностей ежедневнаго житья-бытья высокимъ сознаніемъ нравственнаго значенія челоуѣка.

Этимъ разрозненнымъ изслѣдованіямъ (появившимся въ печати отчасти и прежде) мы предпосылаемъ нынѣ еще нѣсколько словъ собственно о Славяно-Русской миѳологіи, ея ученой литературѣ, и важнѣйшихъ коренныхъ

IV

началахъ вѣросознанія нашего язычества. Конечно, и здѣсь мы далеки отъ мысли объять этимъ бѣглымъ обзоромъ всю научную полноту фактическихъ свѣдѣній о Русской мифологiи, и единственная цѣль наша въ этомъ изложенiи—осмыслить имъ внутреннюю связь различныхъ вопросовъ, не имѣвшихъ, по первому взгляду, ничего общаго между собою, но близкихъ другъ къ другу въ духовномъ міросозерцанiи Русскаго народа.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ МИѢОЛОГІИ.

Языческія вѣрованія Славянскаго народа вообще можно раздѣлить на три племенные области мѣстическихъ преданій: южныхъ, западныхъ и восточныхъ (Русскихъ) Славянъ. Эти области хотя и тѣсно связаны, какъ филологическимъ средствомъ языка, такъ и общими между ними обычаями и обрядами, но тѣмъ не менѣе, какъ по виѣшней формѣ культуca, такъ и по внутреннему его значенію, совершенно между собою различны. Каждая изъ нихъ составляетъ свой особенный и вполнѣ замкнутый міръ своихъ племенныхъ вѣрованій. Этими тремя племенными областями (Славянской мѣологіи) соотвѣтствуютъ и три главныя ступени ихъ языческой религіи. Первая изъ этихъ ступеней—непосредственное поклоненіе природѣ и стихіямъ; вторая—поклоненіе божествамъ, олицетворяющимъ собою эти явленія, и третья—поклоненіе кумирамъ, уже повелѣвающимъ надъ ними. Западнымъ Славянамъ Балтійскаго поморья и береговъ Лабы (Эльбы) принадлежитъ, по преимуществу, послѣднее, т. е. кумиропоклоненіе, тогда какъ, напротивъ, къ Сербамъ и Хорватамъ относится прямое, непосредственное поклоненіе природѣ, ожив-

ленной народною фантазією толпами собирательныхъ духовъ, столь же многочисленныхъ, какъ многоразличныя проявленія въ природѣ однихъ и тѣхъ же ея законовъ. Нашимъ же Русскимъ преданіямъ суждено было служить связующимъ звеномъ между этими двумя крайними ступенями развитія Славянскаго міра, и соединить кумирслуженіе западныхъ племенъ съ поклоненіемъ стихіямъ и явленіямъ природы южныхъ Славянъ. На этой первой ступени развитія антропоморфическаго направленія, человѣкъ, не понимая еще общаго закона единства многоразличныхъ, но сродныхъ явленій, и желая олицетворить каждое отдѣльное явленіе, каждый отдѣльный предметъ въ человѣческую форму, создаетъ въ своемъ воображеніи для каждаго явленія толпу духовъ, не имѣющихъ еще индивидуальнаго значенія, а понятыхъ имъ только какъ коллективы различныхъ проявленій одной и той же силы природы. Отдѣльная личность божества еще сливается въ общемъ родовомъ понятіи, но коллективъ его имѣетъ опредѣленные признаки, какъ, на примѣръ, Водяной Дѣдушка, Лѣшій, Домовой и пр. Мало по малу, эти безчисленные коллективы сливаются въ одну главную индивидуальность, которая или поглощаетъ ихъ въ себѣ, или подчиняетъ своей власти. Такъ, на примѣръ, до сихъ поръ всѣ названія бѣсовъ и демоновъ имѣютъ на всѣхъ языкахъ, при коллективномъ своемъ значеніи, еще другое—собственнаго имени главнаго ихъ предводителя, бѣса бѣсовъ, діавола.

Между тѣмъ, человѣкъ, живя и изучая природу, пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ новыя понятія, вытекающія одно изъ другаго и дробящіяся до безконечности въ его умѣ. Въ этомъ безпрерывномъ переходѣ отъ родовыхъ понятій къ болѣе частнымъ, въ этомъ дробленіи человѣческой мысли, лежитъ логическій процессъ развитія всякаго политенама, облекающаго отвлеченныя понятія въ видимыя образы боговъ и кумировъ. На второй ступени своего развитія, язычество для каждаго общаго понятія однороднаго явленія создаетъ отдѣльное лицо, тождественное съ самимъ явленіемъ, и значеніе такого лица опредѣляется единственно значе-

нѣмъ конкретно-связаннаго съ нимъ явленія; такъ, напримѣръ, богъ грома, богъ дождя, суть ничто иное, какъ самыя явленія грома, дождя и пр. Посему и внѣшнія формы, и символы этихъ божествъ еще очень безцвѣтны, и даже самыя названія ихъ свидѣлствуютъ о неразвившейся еще личности. Причина этому та, что эти названія или заимствуются отъ самаго явленія, какъ погода—морозъ, или состоятъ изъ прилагательныхъ, опредѣляющихъ общее свойство не столько лица, какъ явленія, и требующихъ необходимаго присоединенія существительнаго богъ, панъ, царь и проч., чтобы сдѣлаться собственнымъ именемъ божества, напр. Бѣль-богъ, Добро-панъ, Парь-морской и пр. Для этихъ божествъ создаетъ народная фантазія свои образы, изустное преданіе ихъ именуется, и обряды изъясняютъ ихъ значеніе; но, не смотря на это, образы, имена и атрибуты все еще колеблются въ какой-то таинственной неопредѣленности до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, водчество не установитъ различныя отбѣнки понятія какого-нибудь божества и не окаменитъ его, такъ сказать, однажды навсегда въ опредѣленныя формы.

Здѣсь настаетъ третій періодъ миѣческаго развитія. Кумиры, переставъ быть средствомъ изображенія, возбуждающимъ народное благоговѣніе, становятся сами предметомъ обоготворенія и поклоненія, и, утративъ конкретное единство своихъ образовъ съ выражаемыми ими понятіями, принимаютъ совершенно индивидуальное значеніе покровителей и распорядителей тѣхъ явленій и силъ природы, съ которыми были прежде тождественны. Этимъ кумирамъ создаются храмы, учреждаются цѣлыя касты жрецовъ для приношенія имъ жертвъ и для отправленія богослуженія; ихъ имена изъ прилагательныхъ, выражающихъ общія свойства природы, обращаются въ имена собственные или замѣняются другими случайными, мѣстными названіями. Словомъ, кумиры получаютъ вполне опредѣленную объективную индивидуальность.

Народъ, болѣе и болѣе сродняясь съ своими божествами посредствомъ ихъ человѣческихъ формъ, вскорѣ невольно

передаетъ имъ, въ своемъ воображеніи, всѣ свои страсти, и оживляетъ ихъ бездушные истуканы физической дѣятельностію человѣка. Боги начинаютъ жить земною живнію, подвергаясь, кромѣ смерти, всѣмъ ея случайностямъ, и изъ образной объективности переходятъ къ дѣйствительному субъективному существованію: они вступаютъ въ узы брака и родства, и новые кумиры не только уже, какъ понятія, путемъ мысли, вытекаютъ изъ своихъ первообразовъ, но рождаются отъ нихъ физическимъ рожденіемъ человѣка.

По нашему мнѣнію, Славянскій мифъ не доросъ до этой субъективности его боговъ, хотя многіе полагаютъ, что эта послѣдняя степенъ развитія только затеряна въ народной памяти, но все же когда-то существовала и у насъ наравнѣ съ другими народами древности. Не станемъ оспаривать здѣсь это мнѣніе, но фактъ остается все тотъ же, что для насъ, въ настоящее время, эта субъективная жизнь Славянскихъ кумировъ не существуетъ.

И такъ, Славянскую мифологію, по ея развитію, можно раздѣлить на три эпохи: духовъ, божествъ природы, и боговъ-кумировъ.

Это раздѣленіе подтверждается отчасти и словами Святаго Григорія (Пансіевскаго сборника), ясно указывающими на три различные періода языческаго богослуженія: «Начаша требы класти роду і рожаницамъ переже Перуна бога ихъ, а переже того клали требы ушпиремъ и берегинямъ».

Подтверженіе того же найдемъ мы и въ самомъ постепенномъ введеніи христіанства между Славянами. Такъ, напри- мѣръ, въ преданіяхъ южныхъ Славянъ, прежде другихъ принявшихъ христіанскую вѣру, преобладаютъ преимущественно коллективные духи, кумиры же у нихъ вовсе не встрѣчаются. Въ Моравіи, Богеміи, Польшѣ и Россіи, при существованіи нѣкоторыхъ даже кумировъ, большая часть боговъ — божества природы, принадлежащія второй эпохѣ, когда, напротивъ, у Полабовъ и Поморянъ коллективы совершенно исчезаютъ и вся религія сосредоточивается на нѣкоторыхъ главныхъ объективныхъ личностяхъ Архонскихъ и

Ретрайскихъ идоловъ. Иногда даже замѣчаются, при преобладаніи объективныхъ кумировъ, нѣкоторые признаки перехода боговъ къ жизни субъективной. Такъ, напримѣръ, объ лошади Свѣтовита шло повѣрье, что самъ богъ ѣздилъ на ней по ночамъ, а Перунъ въ Новгородѣ заговорилъ человѣческимъ голосомъ и бросилъ палицу свою въ Волховъ.

Обращая вниманіе на самое богослуженіе Славянскаго язычества, мы найдемъ также и въ немъ полное подтвержденіе нашего мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя свѣдѣнія, дошедшія до насъ, о богослужебныхъ обрядахъ Славянъ скудны и недостаточны, но совсѣмъ тѣмъ они ясно носятъ на себѣ печать какой-то разнохарактерности, которую, по нашему мнѣнію, только и можно объяснить различными временами религіознаго развитія. Если же мы на обряды богослуженія распространимъ наше общее раздѣленіе Славянскаго міаа, то этимъ не только подтвердимъ предложенное раздѣленіе, но и объяснимъ самые факты, которые, взятые вмѣстѣ, часто противорѣчатъ другъ другу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первую эпоху нашего міаа, человѣкъ, не зная даже личныхъ боговъ, естественно не имѣлъ ни опредѣленныхъ мѣстъ богослуженія, ни опредѣленныхъ лицъ для совершенія его, и какъ божества были неотдѣльно слиты съ самими явленіями природы, которымъ они служили аллегоріями, то и естественно, что человѣкъ приносилъ свои жертвы непосредственно самимъ явленіямъ. Уже Проконій свидѣтельствуетъ, что Славяне приносили жертвы рѣкамъ и нимфамъ; и донинѣ сохранились еще обычай и обряды бросанія вѣнковъ, яствъ и денегъ въ рѣки, колодцы и озера. «Не нарицайте себѣ бога ни въ камени, ни въ студенцахъ, ни въ рѣкахъ», говорится въ Словѣ Кирилла, а Несторъ также прямо упоминаетъ, что «кладеземъ в озерамъ жертву приношаху». Обычай вѣшать на вѣтви деревъ и класть на камни или у корня стараго дуба дары, приносимые человѣкомъ невидимымъ духамъ, вполне подтверждаетъ нашу мысль, что жертвы приносились нѣкогда самимъ явленіямъ природы. Эти жертвы приносилъ всякій, безъ по-

средства особенныхъ, для того назначенныхъ жрецовъ; впрочемъ, эту должность, въ большіе народныя праздники, отправляли, быть можетъ, старцы, которые въ народной и гражданственной жизни Славянъ пользовались всегда великими правами.

Съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ значенія божествъ природы, стали опредѣляться и мѣста жертвоприношеній и молитвъ. Дѣйствительно, у Славянъ, до существованія кумировъ и слѣдовательно до построенія имъ храмовъ, были извѣстныя мѣста, на которыхъ они привыкли молиться какому-нибудь божеству. Это подтверждается многими свидѣтельствами. Такъ Константинъ Порфирородный говоритъ, что Руссы приносили жертвы на Днѣпровскомъ островѣ Св. Георгія; Сефридъ говоритъ о дубѣ, гдѣ живетъ какой-то богъ, которому приносились жертвы; Гельмольдъ, Дитмаръ, Саксонъ и Андрей, жизнеописатель Святаго Оттона Бамбергскаго, знали у Полабскихъ Славянъ множество священныхъ рощей, гдѣ поклонялись какому-нибудь священному дереву, въ позднѣйшее время замѣненному иногда истуканомъ какого-нибудь бога.

Къ разряду мѣстъ, посвященныхъ богослуженію, надобно причислить еще священныя горы, холмы и всѣ многочисленныя городища (Rundwaele), а наконецъ, какъ переходъ къ послѣдней эпохѣ Славянскаго міра, и нѣкоторыя капища, какъ храмъ Ютербока, котораго устройство ясно доказываетъ, что въ немъ не было идола, но просто обоготворялось явленіе перваго луча восходящаго солнца. Храмъ этотъ освѣщался только однимъ небольшимъ отверстиемъ, которое было обращено на восточную сторону такъ, что онъ озарялся свѣтомъ только при восходѣ солнца; Арабскій писатель Массуди также упоминаетъ объ одномъ Славянскомъ храмѣ, въ куполѣ котораго было сдѣлано отверстие для наблюденія восхожденія солнца.

При опредѣленныхъ мѣстностяхъ необходимо должны были существовать и опредѣленные лица для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, но вѣроятно они еще не составляли зам-